

О. Н. Ларионова, г. Тюмень

«КОШКА НАД МЫШЬЮ»: ОБ ОТНОШЕНИЯХ СВЕКРОВИ И НЕВЕСТКИ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Семья является микросоциальным организмом, включенным в систему сложных разветвленных отношений. Каждый человек имеет несколько семейных статусов, например, девушка может являться одновременно *дочерью, сестрой, племянницей и тётей*. Выйдя замуж, молодая женщина становится *невесткой* для свекрови, золовки, деверя и *снохой* («сынохой», «сыновней женой») для свёкра [Даль 2007: 166]. По мнению В.И. Даля и И.И. Срезневского («Словарь древнерусского языка» (СПб, 1912)), термин *сноха* этимологически связан с известным оборотом «быть на сносях», а, следовательно, снохой начинали называть «повзрослевшую» невестку, опытную жену; негласно невестка признавалась «законной» после рождения первенца.

На Руси история молодой семьи начиналась со сговора родителей, сватовства, обязательного свадебного обряда с соблюдением всех необходимых этапов. Свадебные обряды кропотливо, с глубокой любовью описаны в трудах собирателей и исследователей отечественного духовного достояния, таких, как В.И. Даль, И.П. Сахаров, А.Н. Афанасьев, А.В. Терещенко, Б.М. и Ю.М. Соколовы. Во многих исследованиях говорится о том, что жених и невеста даже не видели друг друга до свадьбы. Переехав после свадьбы в дом мужа, молодая жена попадала в непривычный ей уклад жизни, под власть «новых» родителей. Оторванность от родного дома тяжело переносилась молодой девушкой. В Рязанской области широко распространена народная загадка, представляющая собой закодированное обращение свекрови к молодой невестке: «Ягольник яруя, *двухвостка*, возьми-ка цупызник, да уцупызни яго!» («Горшок перекипает, *невестка*, возьми-ка уполовник, да уполовинь его»). *Двухвосткой* невестку называли именно по причине неполной оторванности от родного дома.

Издревле семейная регламентация определялась интересами рода. Отношения в семье формировали её внутреннюю среду. Появление нового человека («невесть кого»), имеющего генетическую принадлежность к другому, чуждому роду, нарушало психологический баланс в семье. Нередко возникало подозрение новых родственников в недоброжелательстве. Внешне поведение свойственников характеризовало проявление формального уважения и вежливости друг к другу, но иногда недоверие приводило к ссорам. Молодую женщину с первого дня замужней жизни приучали к «нелёгкой» жизни: «*Это свёкровка гроза; это свекровина гроза; это мужнина гроза*» — *говорила свекровь, ударяя невесту слегка плёткой, на другое утро брака*» [Даль 2007: 281]. Притчей во языцех стала напряжённость в отношениях *свекрови и невестки*. Ярким примером отражения этих отношений в фольклоре является загадка: «*Стоить свекровь на току и грозится на сноху: я тя, с***, догоню, на клочки разорву* (Кошка над мышью; Садовников 1876: 111, № 917 а)», в которой свекровью названа кошка, а снохою — мышь.

Невестка в семейном быту должна была быть кроткой и послушной. Мать супруга, являясь хозяйкой дома, строго охраняла свою территорию и скрепя сердце допускала на неё невестку. Свекровь распределяла работу между невесткой (невестками) и своими дочерьми. Женщины пряли, ткали, шили и вышивали, т.е. в основном проводили жизнь в затворничестве, прогоняя скуку пением. Молодую жену подгоняли в работе «*богоданные сестрицы и братцы* (золовки и деверья)», призывая к усердию: «*Сношка-сношенька, переступай с ножки на ноженьку!*», «*Все в семье спят, а невестке молоть велят: чай, устала моловши, невестушка, поди-ка, потолки!*», «*Кошку бьют, а невестке наветки дают: а невестка гляди да казись*».

Отдушиной по праздникам становились народные гуляния, хороводы, куда замужнюю молодую женщину отпускали неохотно. Колкие замечания невестки о жизни в семье мужа, бытовых заботах звучали в хороводных песнях:

*Как за горницею, за повалушею,
Не в гусли играют,
Не в свирели говорят, —
Говорят мои подруженьки
На игрища идти.
А меня, молодёшеньку,
Свекор не пускает.
Свекор-батюшка заставляет:
Гумно чистить,
Метлой мести
И поле боронить,
И детей качать.*

*Уж я в сердце взойду:
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,
И борону изрублю,
И детей уложу.
Сама, молодёшенька,
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.*

[Терещенко 2008: 453-454];

*У батюшки с матушкой
Я одна во всём дому;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки...
«Сиротинушка»
[Терещенко 2008: 447].*

Народная традиция требовала, чтобы невестка называла свекровь «матерью», а свёкра «отцом», что в таких неоднозначных жизненных обстоятельствах молодой девушке делать было нелегко:

*Возле тыну сижу,
Я капёр-траву сажу.
Не быть капру
С тыном ровну;
Не быть свекору
Против батюшки,
А свекрови против матушки
[Терещенко 2008: 435].*

«Батюшкой назвать не хочется, свёкром назвать — рассердится» [Даль 2007: 19].

Бывало, что у невестки со свекровью складывались хорошие отношения, тогда говорили: «Две шубы тепло, две хозяйки добро». Но, к сожалению, образ невестки, за которой внимательно

*Как за горницею, за повалушею,
Говорят мои подруженьки
На игрища идти.
А меня, молодёшеньку,
Свекровь не пускает.
Свекровь-матушка заставляет:
Красенца ткать
И конопли брать,
На поле ходить
И сено косить,
Избы истопить,
По воду сходить,
Детей накормить
И спать уложить.*

*Уж я в сердце взойду:
Кросна изорву,
Берды изломаю,
Конопли потопчу,
На поле не пойду
И домой не зайду.
Сама молодёшенька
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.*

следили и не слишком жаловали, связан в русском языковом сознании с понятиями «терпение» и «безропотность», и по сей день для неприязненной характеристики кого-либо используются выражения «*Наша невестка горазда всё трескать*» и «*Наша невестка ничем не брезгует: хоть мед, да и тот сожрёт*».

Тема семейных отношений одновременно традиционна и актуальна. Интерес к ее изучению продиктован уровнем развития фольклористики и реалиями сегодняшней жизни. В русском фольклоре сохранились свидетельства времен существования ранних моделей брачных отношений. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков родства *свекровь* и *невестка* в русской языковой картине мира несомненно высок. Слова *свекровь* и *невестка* имеют определенную коннотацию — отрицательную и положительную соответственно; они индуцируют яркий стилистический эффект. Номинации «золовка» и «деверь» также вызывают ассоциации тех социальных ролей, к которым привыкли говорящие по-русски. Ассоциативные коды рассматриваемых имен родства стали средством развития вторичных значений.

Литература

1. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание: ок. 1 500 ил. М.: Астрель: АСТ, 2007. 349 с.
2. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Составил Д. Садовниковъ. С.-Петербургъ. Типография Н.А. Лебедева, Невский пр., д. № 8. 1876. 334 с.
3. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. С.-Петербург, 1800 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.nklibrary.kz/pdf/russkayamislirech.pdf>
4. Пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mnogoslov.net/poslovitcy_so_slovom/doch/
5. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М.: Издательство: Эксмо, 2008. 736 с.

В. И. Лысов, г. Тюмень

КОНФЛИКТЫ СМИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ТЮМЕНСКИХ И ДРУГИХ СМИ)

В статье предлагается проанализировать взаимосвязь конфликтов, возникающих в различных сферах общественной жизни, и их отражение в СМИ, логическое продолжение — судебные споры. Инструментом разрешения в таких спорах зачастую служит судебная лингвистическая экспертиза.

В основе преобразований, происходящих в различных сферах жизни российского общества на рубеже XX и XXI веков, все большую роль играет информация. В связи с этим меняется не только роль средств массовой информации (СМИ) как социального института в информационном обеспечении реформ, но и роль журналистики как типа массовой информационной деятельности. Ее развитие связано со сменой приоритетов в профессиональной деятельности журналистов. Особенно отчетливо воздействие СМИ на аудиторию проявляется в